

УДК 811.161.1'373.422:811.16'373.422

Об одном источнике энантиосемии в русском и других славянских языках

Е.И. Тимошенко

В качестве одного из источников энантиосемии в русском и других славянских языках рассматривается характер базового лексического значения корня, в частности модальное значение желательности. Указанный тип семантики выступает как основа формирования положительных и отрицательных оценочных значений в рефлексах соответствующих корней.

Ключевые слова: межъязыковая энантиосемия, внутриязыковая энантиосемия, модальность желательности, положительная оценка, отрицательная оценка.

The nature of the basic lexical meaning of the root, in particular the modal value of desirability is studied as one of the sources of enantiosemy in Russian and other Slavic languages. The specified type of semantics serves as the basis for the formation of positive and negative estimates in the reflexes corresponding roots.

Keywords: cross-language enantiosemy, intralingual enantiosemy, modality desirable, positive evaluation, negative evaluation.

Явление энантиосемии, в силу своей определенной парадоксальности, давно уже привлекает пристальное внимание лингвистов. Направления исследования этого явления очень разнообразны: изучается энантиосемия полная и частичная, лексическая и фразеологическая, корневая и морфемная, энантиосемия синхронная и диахроническая. Однако, как признают языковеды, одним из наиболее сложных представляется вопрос о происхождении энантиосемии [1, с. 10].

Среди причин, порождающих данное явление, называют изначальный синкретизм древнего корня, влияние табу, ошибочное употребление слов, стремление к экспрессивности высказывания, порождающее энантиосемию слов с оценочным компонентом в лексическом значении, а также функционирование слов в различных языковых сферах [1], [2, с. 92–93]. Среди перечня возможных причин обращает на себя внимание указание на специфику лексического значения слова, в частности на то обстоятельство, что энантиосемия регулярно развивается в словах с оценочным значением. Стремление к экспрессивному, в данном случае ироническому, способу выражения мысли отражает эмотивную, по классификации В.В. Левицкого [3], мотивацию семантических изменений. Как показывают наблюдения над языковым материалом, специфика лексического значения слов, регулярно обнаруживающих полярные значения в своей семантической структуре, может быть связана не только с выражением оценки, – в качестве базы формирования энантиосемии могут выступать также слова с близким к оценочному типу лексического значения, также выражающим отношение человека к реалиям действительности, – значением модальным. И в том и в другом случае формирование энантиосемии неразрывно связано с действием человеческого (психологического) фактора, а в словах, корни которых исходно имеют модальное значение, в частности значение желания, – с объективной противоречивостью человеческой природы, обусловленной дисгармонией материальных и духовных устремлений человека. Во всяком случае, такое предположение не кажется надуманным на фоне приводимого в статье языкового материала, отражающего факты межъязыковой и внутриязыковой славянской энантиосемии в рефлексах этимологических корней с исходным модальным значением желания. Уместно также заметить, что в языкознании достаточно широко распространена точка зрения, в соответствии с которой выражение эмоций считается центральной функцией языка (Ш. Балли, ванн Гиннекен, М. Бреаль). Весьма современно, по мнению В.И. Шаховского, «звучит мысль М. Бреаля о том, что речь была создана не для описания, повествования и неподвизтых рассуждений, а для того чтобы выражать желание, делать предписания» [4, с. 15].

Круг глагольных корней с модальной семантикой желания в русском языке весьма ограничен. В «Словаре синонимов» (ред. А.П. Евгеньева), например, в синонимический ряд с доминантой *хотеть*, кроме самого глагола *хотеть*, включены глаголы *желать*, *жаждать*, *вождесть*, *алкать* [5, с. 626]. Модальность желательности, однако, как в русском, так и в других славянских языках может выражаться и другими корнями, в ряде случаев обнаружива-

вающими синкретизм, то есть совмещающими сему желательности с другими семантическими компонентами. Н.Е. Ананьева указывает, что лексико-семантическое поле 'желание' в славянских языках представлено продолжениями таких корней, как **xot-* (**xot'-*), **zel'-*, **žit'-*, **žed(j)-*, **jьsk-*, **olk-*, **prag-*, **i'eg-*, **vol(j)-*, и некоторых других [6, с. 12]. Наблюдения над языковым материалом показывают, что продолжения целого ряда некоторых из названных, а также других праславянских корней в разных славянских языках обнаруживают антонимичные значения, подпадая тем самым под определение энантиосемии.

Модальное значение желания в некоторых случаях этимологически выступает не в чистом виде, а оказывается синкретично связанным со значением физического действия захвата, присвоения. Так, указанная сема обнаруживается в качестве одной из исходных в этимологическом гнезде **xytati*, **xytiti* / **xvatati* / **xotěti*. Антонимичные значения в разных славянских языках свойственны продолжениям праславянского прилагательного **xutrъ(jь)*, восходящего к глаголам **xytati(se)*, **xytiti(se)*, которые связаны корневым чередованием с **xvatati* (ЭССЯ, 8, с. 160–164). Различная степень интенсивности действия (как физического, так и интеллектуально-психического), обозначаемого указанными глаголами, вероятнее всего, и послужила основанием для формирования межъязыковой энантиосемии в соотносительных лексемах разных славянских языков, а в ряде случаев – внутриязыковой энантиосемии. Сравним, с одной стороны, лексику, положительно характеризующую интеллектуальные, нравственные и физические качества человека, с другой – слова с отрицательным оценочным значением: 1) ст.-сл. *хытръ* 'ловкий, искусный', болг. диал. *úmar* 'умный, сообразительный', макед. *умер*, *umar* 'сообразительный, сметливый', 'проворный, ловкий', сербохорв. *xumar* 'быстрый, скорый', в.-луж. *khitry*, *kxětry* 'проворный, быстрый, изрядный, отличный', н.-луж. стар. *chytry* 'ловкий', 'добрый', *chytšy* 'способный, правдивый, честный', 'красивый, хороший, добрый, живой, проворный', словин. *xitri* 'умный', др.-русск., русск-цслав. *хытрыи*, *хитрыи* 'искусный', 'искусно сделанный', 'знающий, сведущий', русск. *хитрый* 'изобретательный, искусный', укр. *хитрий* 'скорый, быстрый', 'умный' – 2) болг. *хитър* 'хитрый, сообразительный', макед. *умер*, *umar* 'хитрый, изворотливый', н.-луж. стар. *chytry* 'хитрый, коварный', 'алчный, скупой', словин. *xitri* 'хитрый', русск. *хитрый* 'изворотливый', диал. *хитрый* 'хитрый', 'мудреный, странный', *хитрой* 'необычный, смешной, странный' (курск.), укр. *хитрий* 'хитрый, замысловатый', 'хитрый, льстивый', бел. *хітры* 'хитрый' (ЭССЯ, 8, с. 162–164).

Рефлексы производных глагола **xotěti* также обнаруживают межъязыковую и внутриязыковую энантиосемию, сходную с той, которая наблюдается для продолжений праславянского **xutrъ(jь)*. Так, славянские рефлексы праславянского **xotьнь(jь)*, имеющие положительную оценочность, относятся в основном к характеристике нравственных и внешних качеств человека, сравн.: ст.-чеш. *chutný* 'приятный, милостивый', чеш. *chutný* 'вкусный', словц. диал. *xutni* 'милый, миловидный, хорошенький', ст.-польск. *chętny* 'приятный', польск. *chętny* 'охотный, доброжелательный' (ЭССЯ, 8, с. 86), русск. *хотный* 'охочий, доброхотный, желатель' (Даль, IV, с. 563). Сравн. также бел. *хоць* 'расположение' (Носович, с. 683). Производные с отрицательной оценочностью характеризуют в основном лишь внутренние свойства человека: словен. *hóten* 'жадный, похотливый', н.-луж. *chótny*, диал. *chutny* 'жадный, алчный', полаб. *chüötneíca* 'потаскуха, блудница' (ЭССЯ, 8, с. 86), бел. *хоці́мья* 'завистница' (Насович, с. 683) (сравн. также рус. *похоть* 'грубо-чувственное половое влечение', *похотливый* 'проникнутый похотью, сладострастный').

Синкретичная этимологическая семантика обнаруживается в историческом корне праславянского **koristьнь(jь)*, рефлексы которого в различных славянских языках обнаруживают антонимичные или близкие к антонимичным значения: цслав. *користьнь* *utilis*, макед. *корисен* 'полезный', сербохорв. *кòрїстан*, *кòристан* 'полезный, выгодный', словен. *koristen* 'полезный, благоприятный', польск. *korzystny* 'полезный, выгодный, благоприятный', др.-русск. *корыстный*, *карысный* 'торговый, относящийся к торговле, к торговой прибыли', 'полезный', русск. диал. *корыстный* 'хороший' (перм.), 'полезный' (волог., свердл.), 'уважаемый' (курган., иркут.), 'большой, обильный', 'хороший' (урал., иркут.), *корисный* 'хороший' (краснояр.), укр. *корыстный* 'полезный, выгодный', бел. *карысны* 'полезный, выгодный' – чеш. *kořistný* 'падкий на добычу', ст.-польск. *korzystny*, *korzysny* 'алчный, корыстолюбивый', русск. *корыстный* 'основанный на корысти, корыстолюбивый', диал. *корыстный* 'завистливый' (пск., твер.), *корысный* 'маленький, небольшой', 'худой, тщедушный, захудалый' (новосиб.) (ЭССЯ, вып. 11, с. 73–74).

Прилагательное **koristъnъ(jь)* производно от существительного **koristъ* и в большинстве своих значений отражает семантику производящего, сравн., например, ст.-слав. *користь* ‘добыча, трофей’, ‘корысть’, ст.-польск. *korzyśc* ‘добыча (военная, краденая)’, ‘имуущество, добро’, ‘польза, выгода’, русск. *корысть* ‘страсть к приобретению, к поживе’, ‘выгода, польза’, ‘нажива, пожива’, диал. (пск., твер.) ‘зависть’, бел. *карысьць* ‘польза’, ‘выгода, корысть’ и т. п. (ЭССЯ, вып. 11, с. 71–73). Имя же **koristъ* авторами «Этимологического словаря славянских языков» квалифицируется как производное от глагола **koristiti/*koristati*, являющегося сложением экспрессивной приставки **ko-* и глагола **ristati* с этимологическим значением ‘гнаться’. Таким образом, для глагола **koristiti/*koristati* реконструируется первичное значение захвата, обладания (ЭССЯ, вып. 11, с. 73), что подтверждается также наличием в славянских языках производных со значением ‘рукоятка’ (т. е. ‘орудие захвата’): польск. *korzyśc* ‘рукоятка’, русск. диал. (олон.) *корыстка* ‘деревянная ложка или лопаточка для помешивания пива при варке’ (там же). Очевидно, что и в значении ‘гнаться’, и в значении ‘захватывать, обладать’ имплицитно присутствует модальная сема желательности, сравн. русск. *корыститься* ‘гнаться, жадно кидаться для добычи; // завидовать, завистливо смотреть’ (Даль, II, с. 171). Указанная сема трансформируется в полноценное модальное лексическое значение в производных словах, например, в русском *корысть* ‘страсть к приобретению, к поживе; жадность к деньгам, к богатству, любостяжание, падкость на барыш’ (там же).

Представляется правомерным предположить, что явление межъязыковой энантиосемии обусловлено диффузностью, семантической сложностью структуры лексического значения исходного слова рассматриваемого словообразовательно-этимологического гнезда. С одной стороны, модальная сема желательности, проявляясь, реализуется в собственно модальных значениях ‘жадность’, ‘страсть к приобретению’, ‘алчный, корыстолюбивый’, закрепляя за собой отрицательную оценочность, обусловленную, вероятнее всего, высокой интенсивностью проявления исходного действия. С другой стороны, производное метонимическое значение ‘то, что получено, добыто (в результате захвата)’, т. е. ‘выгода, польза’ естественно приобретает положительную оценочность. Значение прилагательного *корыстный* (например в русских диалектах, белорусском литературном языке) ‘выгодный, полезный’, вероятно, оказывается основанием для формирования более общих значений, выражающих положительную оценку: ‘благоприятный’, ‘обильный, большой’, ‘уважаемый’.

Подобного рода энантиосемия обнаруживается в рамках этимологического гнезда **laska*, **laskati* и родственных **lasъjь*, *lasiti*. Исходное этимологическое значение корня отражает модальность желательности, о чем свидетельствуют лексические соответствия в древних языках: др.-инд. *lasati* ‘жаждать’, *lālasa-* ‘жадный, яростный’, греч. *λαίσιμαί* ‘желать, стремиться’ (ЭССЯ, вып. 14, с. 37). Часть производных, являющихся продолжениями данного корня в различных славянских языках, сохраняет модальное значение желательности и обнаруживает отрицательные оценочные коннотации: словин. *lasi* ‘жадный, падкий’, ст.-польск. *lasy* ‘жадный, алчный’ (ЭССЯ, вып. 14, с. 46), словен. *lasek* ‘сладострастный’, (сравн. лат. *lasīvus* ‘распущенный, похотливый’, русск.-цслав. *ласкосърдѣи* ‘невоздержанный, жадный’, словен. *laskav* ‘лстивый’, ‘лакомый, привередливый’, русск.-цслав. *ласкати* ‘соблазнять, обольщать’, ‘обманывать’ (ЭССЯ, вып. 14, с. 38–42), русск. *ласковец*, стар. *ласкавец*, *ласкатель*, *ласкательница* ‘подлипала, льстец, прихвостень; кто заискивает униженной угодливостью, льстит, ласкает самолюбие того, в ком ищет’ (Даль, II, с. 239), сравн. также в «Словаре Академии Российской»: *ласкатель* – ‘льстец; подлец, который коварно из корысти или выгоды какой вкрадывается в любовь другого, похвалами и угождениями ослепляет; самые гнусные поступки и страсти одобряет и в угодность его не стыдится противу истины говорить и поступать’ (САР, ч. III, ст. 1142). Другая – большая – часть производных выражает положительную оценочную семантику, которая также зиждется на модальном значении желательности, обозначает положительно оцениваемые отношения, состояния и т. п.: цслав. *ласкавь*, *-ви* ‘приятный, ласковый, любезный’, болг. *ласкав* ‘любезный’, чеш. *laskavý* ‘ласковый, любезный, милостивый’, польск. *laskowy* ‘милостивый, любезный, ласковый, доброжелательный, милосердный’, др.-русск., русск.-цслав. *ласкавыи* ‘милостивый, снисходительный’, русск. *ласковый* ‘ласковый, доброжелательный, приветливый’, русск. диал. (влад., ирк.) *ласковый* ‘нежный, внимательный’, укр. *ласкавий* ‘милостивый, благо-

склонный, снисходительный; кроткий, смиренный, добрый, ласковый, приветливый, любезный', бел. *ласкавы* 'ласковый, любезный, приветливый' (ЭССЯ, вып. 14, с. 39–40).

Внутриязыковая энантиосемия наблюдается в русских и белорусских рефлексах этимологического корня **žed(j)*-, которому исходно свойственно модальное значение интенсивного желания, о чем свидетельствуют, например, параллели из балтийских языков: лит. *pasigendù, -gèsti* 'ощутить недостаток', *gedáuju, gedáuti* 'желать, тосковать, стремиться к чему-л.', *gōdas* 'жадность, алчность' и др. (Фасмер, II, с. 33). Так, в семантической структуре русского *жадный* имеют место лексико-семантические варианты с позитивной и негативной оценочностью. Сравним, с одной стороны – 'с увлечением отдающийся занятию, делу' (о положительной оценке, выражаемой данным ЛСВ, свидетельствует также сочетаемость: *Жадный к знаниям; Жадный на работу; Чем разнообразнее потребности человека, чем более жаден он к радостям жизни, хотя бы и маленьким, – тем быстрее развивается культура тела и духа*. Горький); с другой – 'стремящийся взять себе, получить, иметь у себя (как можно больше чего-л.)' (*Жадный к деньгам*); 'скупой, корыстолюбивый' (СРЯ, I, с. 469). Белорусское *пажаданы* имеет значение 'желательный; угодный', а *пажадлівасць* – 'плотоядность, чувственность, похотливость, вожделение' (БРС, 2, с. 70).

Таким образом, степень интенсивности такого эмоционально-интеллектуального состояния человека, как желание, может предопределять характер оценки или оценочных коннотаций, выражаемых соответствующим словом или отдельным его значением. При этом отмечается закономерность соответствия высокой степени интенсивности желания отрицательным оценочным коннотациям в семантике слова и умеренной степени проявления данного внутреннего состояния – положительным. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что источником формирования энантиосемии в данном случае выступает собственно семантическая специфика корня, связанная с проявлением внутреннего «я» человека, которое в языковом отражении выступает как весьма противоречивое и неоднозначное.

Принятые сокращения

БРС – Беларуска-рускі слоўнік: у 2-х т. – Т. 2 (П-Я) / рэд. акадэмік АН БССР К.К. Атраховіч (Кандрат Крапіва). – Мн. : БелСЭ, 1989.

Даль – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В.И. Даль. – М., 1981–1982.

Насовіч – Насовіч І.І. Слоўнік беларускай мовы / І.І. Насовіч. – Мн. : БелСЭ, 1983. – 792 с.

САР – Словарь Академии Российской. Часть III. от З до М. – СПб : Императорская Академия Наук, 1792 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://it-claim.ru/Projects/ESAR/SAR/PDFSAR/Framesetpdf.htm>.

СРЯ – Словарь русского языка: в 4 т. / гл. ред. А.П. Евгеньева. – М. : Русский язык, 1981–1984.

Фасмер – Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер; пер. с нем. и доп.

О.Н. Трубачева ; под ред. и с предисл. Б.А. Ларина. – 2-е изд., стереотипное. – М. : Прогресс, 1986–1987.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / под ред. О.Н. Трубачева. – Вып. 1–30. – М. : Наука, 1974–2003.

Литература

1. Махмутова, Л.Р. Основные типы энантиосемии в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Л.Р. Махмутова ; Казанский государственный университет имени В.И. Ульянова-Ленина. – Казань, 2009. – 24 с.

2. Крысин, Л.П. Современный русский язык. Лексическая семантика. Лексикология. Фразеология. Лексикография / Л.П. Крысин. – 2-е изд., стер. – М. : Издательский центр «Академия», 2009. – 240 с.

3. Левицкий, В.В. О причинах семантических изменений / В.В. Левицкий // Семантические процессы в системе языка : межвузовский сборник научн. тр. – Воронеж : Изд-во Ворон. ун-та, 1984. С. 3–9.

4. Шаховский, В.И. Эмоции: Долингвистика, лингвистика, лингвокультурология / В.И. Шаховский. – Изд. 2-е. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 128 с.

5. Словарь синонимов / ред. А.П. Евгеньева. – Л. : Наука, 1975. – 648 с.

6. Ананьева, Н.Е. О некоторых компонентах лексико-семантического поля 'желание' в русском и польском языках (русск. *жажда* – польск. *żądza, pragnienie*) / Н.Е. Ананьева // Слова. Концепты. Мифы / отв. ред. Г.К. Венедиктов. – М. : «Индрик», 2011. – С. 11–26.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 08.01.2015

РЕПОЗИТОРИЙ ГОМЕЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМ. Ф. СКОРИНЫ